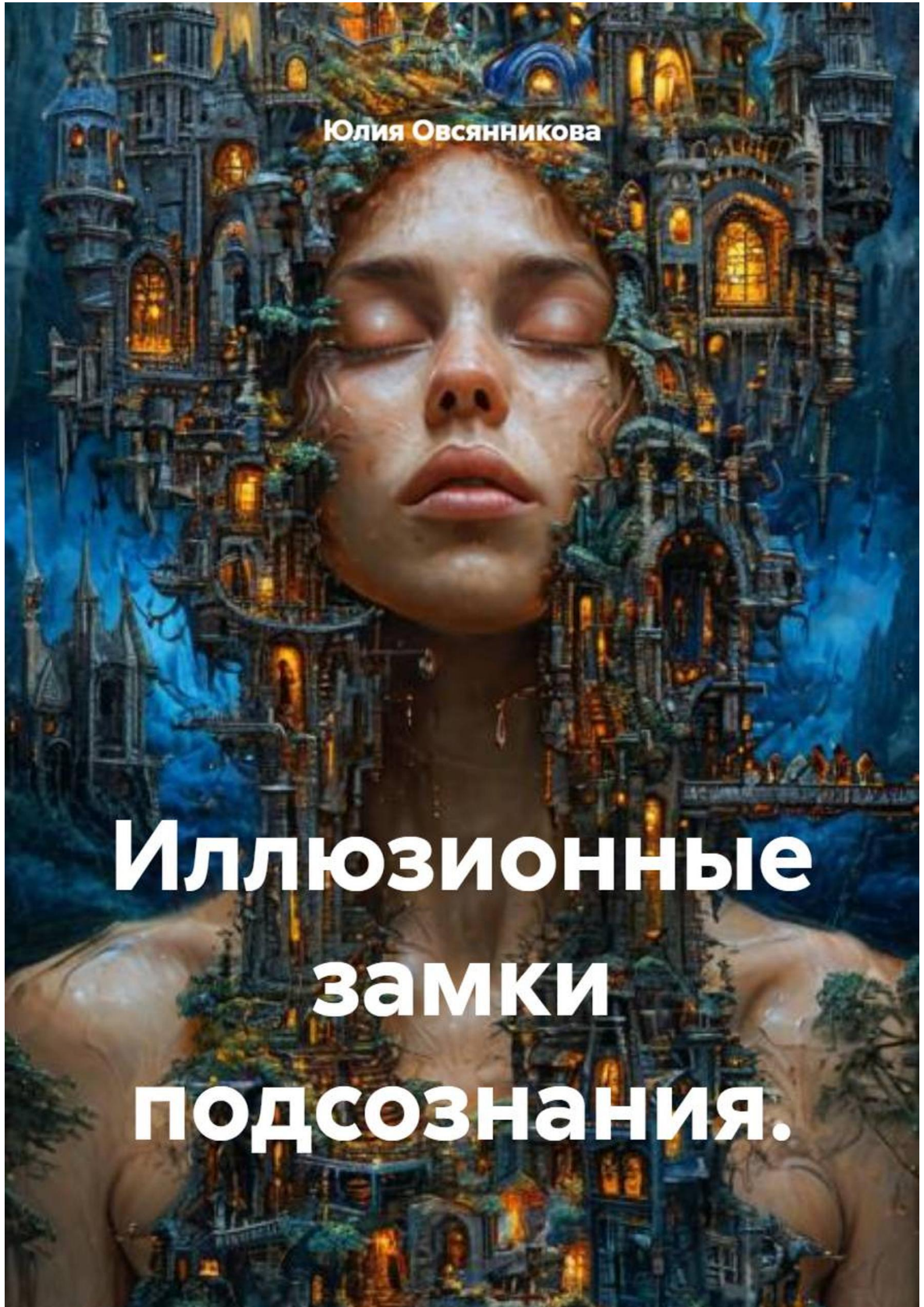


A surreal illustration featuring a woman's face in the center, her eyes closed. From her head, a complex, multi-tiered cityscape grows upwards. The city is built on a dark, rocky structure, with numerous windows glowing with warm, golden light. The architecture is a mix of gothic and fantasy styles, with spires, arches, and intricate details. The background is a deep blue, suggesting a night sky or a vast, dark space. The overall mood is dreamlike and mysterious.

Юлия Овсянникова

Иллюзионные замки подсознания.

Юлия Овсянникова

Иллюзионные замки подсознания.

«Автор»

2026

Овсянникова Ю.

Иллюзионные замки подсознания. / Ю. Овсянникова — «Автор»,
2026

История о том, как мы - люди застреваем в своих чувствах и эмоциях. Я их назвала Иллюзионными замками. Как головоломка подсознательных программ и внутренней борьбы. Её звали Юльта. Ей было столько, сколько нужно, чтобы успеть устать от борьбы и начать искать не победу, а смысл. Последние три года она шла по пути целительства. Сначала — книги, курсы, медитации, практики. Потом — люди, которые приходили к ней с болью, и она, словно живая губка, впитывала их страхи, их надежды, их истории, помогая им найти опору. Они благодарили, уходили, возвращались, а она оставалась. Светлая, сильная, нужная. И всё более пустая.— Ты лечишь всех, кроме себя, — шептала ей бабушка перед смертью. Бабушка была единственной, кто видел её насквозь. — Твоя душа — это целый архипелаг, а ты живёшь на одном маленьком острове, который сама же и охраняешь от себя.

© Овсянникова Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог.	5
Зов сердца и Души	5
#Глава 1. Остров Жертвенной Любви.	8
Глава 2. Остров Никчемности.	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Иллюзионные замки подсознания.

Пролог.

Зов сердца и Души

Она проснулась за секунду до того, как зазвонил будильник. Это случалось с ней всё чаще — словно какая-то внутренняя, более древняя, чем время, часть её существа научилась предвосхищать механический ритм внешнего мира. Она лежала, глядя в потолок, на котором играли отсветы утреннего солнца, и чувствовала, как где-то глубоко в груди, под рёбрами, пульсирует тихий, настойчивый свет. Он был всегда. Но раньше она его почти не замечала.

Её звали Юльта. Ей было столько, сколько нужно, чтобы успеть устать от борьбы и начать искать не победу, а смысл. Последние три года она шла по пути целительства. Сначала — книги, курсы, медитации, практики. Потом — люди, которые приходили к ней с болью, и она, словно живая губка, впитывала их страхи, их надежды, их истории, помогая им найти опору. Они благодарили, уходили, возвращались, а она оставалась. Светлая, сильная, нужная. И всё более пустая.

(Её жизнь череда успехов и провалов, жертвенности, духовного истощения, духовных поисков и развития. Однажды она проваливается в сон и оказывается на берегу Архипелага чувств, эмоций и всех иллюзий темного мира и квантовых запутанностей.)

— Ты лечишь всех, кроме себя, — шептала ей бабушка перед смертью. Бабушка была единственной, кто видел её насквозь. — Твоя душа — это целый архипелаг, а ты живёшь на одном маленьком острове, который сама же и охраняешь от себя.

Юльта тогда не поняла. Или не хотела понимать. Она запомнила только, как бабушка, уже почти уходя, вложила в её ладонь что-то маленькое, тяжёлое и холодное.

— Это ключ, но не к двери. Это ключ к тебе. Когда услышишь зов — не бойся. Просто иди.

Ключ и сейчас лежал в шкатулке на туалетном столике. Она часто брала его в руки, рассматривала тёмный металл, причудливую форму, похожую на переплетённые лучи или на застывшую звезду. Но он не открывал ни одной двери в её квартире. И даже мастер-ключница, к которой она ходила, только покачала головой: «Это не от замка». Видимо это к сердцу, но как его использовать? - отдавалось эхом в голове.

Последние месяцы жизнь Юльты превратилась в калейдоскоп противоречий. Снаружи — уютная квартира, работа с клиентами, редкие встречи с друзьями, которые всё чаще казались чужими. Внутри — постоянное напряжение, как будто она ждала чего-то, или кого-то. Внешний мир, казалось, сговорился проверять её на прочность.

Сегодня, например, она получила письмо от издательства, куда отправила свою рукопись - сборник притч о душевном исцелении. Ответ был вежливым и убийственным: Ваш текст трогателен, но у нас нет запроса на подобную литературу. Попробуйте что-то более коммерческое.

А вчера подруга, с которой они росли вместе, в разговоре обронила: «Слушай, ты так увлеклась своим просветлением, что стала... не от мира сего. Люди от тебя устают, знаешь?». - это ощутилось как нож в спину.

А неделю назад мужчина, с которым она надеялась построить отношения, просто исчез. Без объяснений. Оставив только сообщение: «Извини, я не готов к такой глубине».

Каждое событие било в одну и ту же точку: ты слишком странная, слишком чувствительная, слишком не от мира сего, какая-то не такая... Твои попытки светить — это эгоизм. Твоя

помощь — это жертва, которую никто не ценит. Ты делаешь что-то не так. Может покинуть этот мир???

Она пыталась не верить. Она знала, что это голоса её старых ран — унижений, непринятия, тех детских дней, когда её просто не видели. Или видели не той, какой она была. Но голоса были громче, чем её внутренний свет.

Сегодня утром, глядя на потолок, она чувствовала, как привычная тяжесть растекается по телу. Свет в груди теплился, но словно бы угасал, задавленный этим ежедневным, изматывающим "надо быть сильной", "надо нести свет", "надо не жаловаться". Она была целителем, творцом, тем, кто держит пространство для других. А кто держал пространство для неё? По факту - никто, какое-то странное потребительское отношение. И абсолютно редкое спасибо...

— Я так больше не могу, — прошептала она в пустоту.

И тогда это случилось.

Не звук. Не видение. Что-то между ними. Как если бы кто-то очень мягко, но настойчиво коснулся её сердца изнутри. И следом — бабушкин голос, тёплый и ясный, как дальний колокол:

— Построй свой замок. Пока не рухнул последний остров.

Юльта села на кровати. В комнате никого не было. Но она чувствовала — всё изменилось. В груди свет загорелся ярче, и одновременно где-то в глубине сознания разверзлась пустота, готовая принять её целиком.

Она встала, подошла к шкатулке, достала ключ. В этот раз он был тёплым.

— Что мне делать? — спросила она вслух.

Ответа не последовало. Но внезапно всё тело пронзила волна лёгкости, как будто кто-то мягко потянул её вниз, в сон, в глубину. Она успела подумать: «Я падаю». А потом комната, квартира, утро — всё исчезло.

Она стояла на берегу. Вокруг было море — не чёрное и не синее, а какое-то иное, живое, переливающееся всеми оттенками, которые она когда-либо видела, и теми, которые не видела никогда. Волны не шумели, они пели. А впереди, насколько хватало взгляда, уходила вдаль бесконечная водная гладь, на которой там и сям виднелись острова. Одни были тёмными, окутанными туманом; другие — сияли, как драгоценные камни; третьи — казались пустыми и заброшенными.

Она стояла на берегу самого ближнего острова, и её босые ноги касались песка, который был тёплым, приятным и казался совсем живым и обволакивающим.

— Добро пожаловать в Архипелаг, — сказал кто-то рядом. Она обернулась.

Рядом с ней стояла женщина. Очень знакомая и совершенно незнакомая одновременно. Её черты напоминали Янь? Или Инь? Или кого-то, кого Юльта никогда не встречала, но всегда знала.

— Ты получила ключ, — продолжала женщина. — Теперь он будет вести тебя. Каждый остров здесь — часть тебя. Каждый дворец — ловушка или подсказка. Выбирать только тебе.

— А ты? — спросила Юльта. — Ты — проводник? — Я — отражение твоей готовности идти. Я буду рядом, пока ты помнишь, зачем пришла. А когда забудешь — исчезну.

Юльта сжала в руке ключ, который каким-то образом оказался с ней. Он больше не был холодным. Он пульсировал в такт её сердцу.

— Зачем я здесь? — Чтобы перестать быть жертвой собственного света, — просто ответила женщина. — И построить то, ради чего ты, на самом деле, родилась.

Вдалеке, на одном из тёмных островов, сверкнула молния. Или вспышка. Юльте показалось, что оттуда донёсся крик.

— Это первый зов, — сказала проводница. — Там, где боль, всегда первый зов. Но ты не обязана идти туда сразу. Ты можешь осмотреться. Или...

— Я пойду, — перебила Юльта. Она уже привыкла: сначала другие, потом — она. Сначала спасти, потом — разбираться с собой.

Проводница взглянула на неё с печалью и нежностью.— Тогда помни: на этом острове ты встретишь не чужую боль. Ты встретишь ту часть себя, которую училась не замечать. И если ты попытаешься спасти её, как спасала всех, — ты попадёшь в ту же ловушку. Здесь не спасают. Здесь видят.

Юльта сделала шаг в воду, и море расступилось, открывая тропу к тёмному острову. Она не знала, что её ждёт. Не знала, сколько ещё островов предстоит пройти. Не знала, сможет ли вернуться. Но в груди горел свет, а в руке был ключ. И это было началом новой истории.

#Глава 1. Остров Жертвенной Любви.

Она проснулась от того, что телефон на тумбочке завибрировал, заскользил по деревянной поверхности и чуть не упал. Юльта машинально поймала его, ещё не открывая глаз, и почувствовала, как внутри всё сжалось. Этот утренний звонок, слишком ранний для обычного дня, всегда означал одно: кто-то попал в беду и нуждается в ней.

— Аллю, — её голос прозвучал хрипло, словно она не спала, а бежала всю ночь.

—Юлишна, спасибо, что взяла трубку! — голос подруги Ольги был взволнованным, с той особенной ноткой отчаяния, которая всегда включала в Юльте режим «спасателя». — Ты не представляешь, что случилось! Опять этот Серёжа... Я не знаю, как быть, я уже всё перепробовала, но он меня не слышит. Мне нужно с тобой поговорить, ты одна понимаешь. Может, встретимся сегодня?

—Я приеду, куда скажешь. - дрожащим и привычным голосом произнесла она.Юльта открыла глаза. Потолок в её спальне был тем же, что и вчера. Утро было тем же, что и всегда. Но она чувствовала: что-то изменилось. В груди всё ещё теплился тот самый свет, который она ощутила перед тем, как провалиться в странный сон. А в левой руке, которую она непроизвольно сжала, лежал... ключ. Тот самый, бабушкин. Она принесла его из сна? Или он всегда был под подушкой?

— Юлишна? Ты меня слышишь? — Ольга уже начинала нервничать.

— Да, прости. Я... Да... давай встретимся. В полдень, в нашем кафе.— Спасибо, родная! Я знала, что ты не откажешь. Ты всегда такая. Ты моя спасительница.

Юльта положила трубку и уставилась в потолок. Спасительница. Слово, которое когда-то казалось высшей похвалой, теперь отдавало чем-то тяжёлым, почти липким. Она вспомнила, что видела во сне. Или не во сне? Острова, море, женщину-проводника, которая сказала: «Здесь не спасают. Здесь видят». И ещё: «Ты встретишь ту часть себя, которую училась не замечать».

Она посмотрела на ключ. Он лежал на ладони, тёплый и спокойный. И, кажется, в его причудливых завитках проступил новый, едва заметный узор — похожий на крошечный остров, окружённый волнами.— Ты меня ведёшь, — прошептала Юльта. — Только куда?

Ключ не ответил. Но внутри, под рёбрами, свет полыхнул чуть ярче, и в сознании мелькнул образ: та же женщина, что стояла на берегу, теперь указывала рукой вдаль, на остров, окутанный туманом. И оттуда доносился тихий, но настойчивый зов. Врезавшийся голубь в стекло лоджии вернул её в реальность. Она начала собираться в кафе на встречу с Ольгой.

Кафе встретило её запахом кофе и выпечки, но привычного уюта не было. Ольга сидела за дальним столиком, и её вид был красноречивее любых слов: растрёпанные волосы, красные глаза, чашка давно остывшего чая, которую она нервно крутила в руках. Увидев Юльту, она вскочила, бросилась навстречу.

— Юлишна, спасибо, что пришла! Я знала, знала, что ты поймёшь! — она схватила её за руки, и в этом жесте была такая сила, такая жажда получить поддержку, что Юльта физически ощутила, как её собственная энергия начала перетекать в подругу. Впрочем как всегда.

Они сели. Ольга заговорила быстро, сбивчиво, перескакивая с одного на другое. Снова конфликт с мужем, снова непонимание, снова она чувствует себя одинокой и никому не нужной. История была старая, как мир, но для Ольги — новая, свежая и невыносимая. И Юльта слушала, кивала, подбирала слова, и внутри неё росло знакомое, тёплое, убаюкивающее чувство: я нужна, я помогаю, я спасаю.

Но сегодня это чувство почему-то не приносило удовлетворения. Оно было как старая, натёртая до блеска монета, которую она уже тысячу раз держала в руках. И в какой-то момент, слушая Ольгу, Юльта поймала себя на мысли, что подруга даже не спросила, как у неё дела.

Не заметила, что она бледна, что у неё круги под глазами, что она сама едва держится на ногах после бессонной ночи. Всё внимание было поглощено только Ольгой. И это было привычно. Но почему-то вдруг стало больно.

— ...и если бы не ты, я бы не выдержала, — закончила Ольга. — Ты моя опора, моя спасительница. Что бы я без тебя делала?

Она смотрела на Юльту с такой благодарностью и надеждой, что Юльта не смогла сказать то, что хотела: «А кто моя опора? Кто меня спросит, как я?». Вместо этого она выдавила улыбку и сказала привычное:

— Всё будет хорошо. Ты справишься. Ты сильнее, чем думаешь.

Ольга облегчённо выдохнула, заулыбалась, заказала себе нормальный кофе и пирожное. Юльта сидела, чувствуя, как внутри разливается странная, непривычная пустота. Не та, что бывает после истощения, а другая — словно что-то важное, что она считала своим, вдруг оказалось чужим.

— Мне нужно идти, — сказала она, когда Ольга, наконец, успокоилась и начала обсуждать планы на вечер.

— Но мы же ещё не пообедали! — удивилась подруга. — Посиди, куда ты спешишь? Тебе же всё равно некуда торопиться.

Неужели? — мелькнуло в голове Юльты. — Мне действительно некуда? Ничего нет, кроме тебя?

— Нужно, — ответила она твёрже, чем ожидала. — Прости.

Она вышла на улицу, и воздух показался ей неожиданно свежим, почти прозрачным. Она дошла до парка и села на лавочку под большим раскидистым деревом. Солнце било в глаза, но она не щурилась. Но чуть позже закрыла глаза. Она чувствовала, как внутри, на грани сознания, что-то начинает проявляться. Очертания острова. Туман рассеивался и она как будто бы снова провалилась в небытие.

Она снова стояла на берегу. Но теперь это был не тот берег, с которого она начала путь. Песок здесь был серым, почти пепельным, и волны, лижущие его, казались тяжёлыми, маслянистыми. Воздух пах горечью и чем-то сладковатым, как от слишком долго стоящих цветов. А впереди, на возвышении, уходящем в туман, высился дворец. Он был прекрасен и уродлив одновременно: башни из слоновой кости, но обвитые колючей проволокой; окна из хрусталя, но затянутые чёрной плёнкой; двери из золота, но с огромными, тяжёлыми замками.

— Это Остров Жертвенной Любви, — раздался голос рядом. Проводница стояла чуть поодаль, её одежды развевались невидимым ветром. — Ты узнаёшь его?

Юльта молчала. Она узнавала. Этот дворец был выстроен из всего, что она считала своей сутью: быть нужной, быть полезной, быть той, кто отдаёт, не спрашивая, что остаётся. Каждая колонна здесь была воздвигнута из «я должна помочь», каждый шпиль — из «я справлюсь сама», каждый камень в фундаменте — из «если не я, то кто».

— Внутри тебя ждут, — сказала проводница. — Но помни: здесь не спасают. Здесь видят. И здесь выбирают — продолжать строить этот дворец или начать разрушать.

Она исчезла, оставив девушку одну перед массивными воротами. Те дрогнули и начали открываться сами. Внутри было темно. И пахло старыми слезами.

Юльта шагнула внутрь. Коридор, по которому она пошла, был зеркальным. Но в отражениях она видела не себя — она видела сцены из своей жизни. Вот она, маленькая, стоит перед матерью, которая плачет, и Юльта протягивает ей свою любимую игрушку, чтобы мама улыбнулась. Вот она, подросток, отдаёт подруге своё новое платье, потому что у той нет денег, а на вечеринку идти хочется. Вот она, взрослая, бессонной ночью сидит у постели больного друга, хотя завтра у неё важный экзамен. Вот она, отказывается от повышения, потому что коллега «так нуждается в этой должности». Вот она, слушает очередную исповедь Ольги, чувствуя, как её собственная жизнь утекает сквозь пальцы, и говорит: «Всё будет хорошо».

Каждое отражение было её. И каждое вызывало странное, щемящее чувство: а кто спросил, чего хотела я?

Коридор закончился огромным залом. В центре, на троне из сломанных часов и опустевших кувшинов, сидела Она. Женщина в длинном, белом, почти прозрачном платье, с распущенными волосами и глазами, полными бесконечной, усталой нежности. На вид — Юльта, но какая-то иная, более старая, более измождённая. И в то же время — невероятно красивая той красотой, которая рождается из полной самоотдачи.

— Я ждала тебя, — сказала женщина. Её голос был мягким, как шёлк, и таким же безвольным. — Ты пришла наконец. А я уж думала, никогда не увижу хозяйку.

— Кто ты? — спросила Юльта, хотя уже знала ответ.

— Я — Жертвенная Любовь. Та, что всегда готова отдать последнее. Та, что не умеет брать. Та, что считает, что если перестать отдавать — то перестанешь существовать. Я — это ты, дорогая. Точнее, то, во что ты превратила себя, чтобы выжить.

Анна смотрела на своё отражение, и сердце её сжималось от жалости. Ей захотелось подойти, обнять, сказать: «Всё будет хорошо, я помогу тебе». Но в тот же миг она вспомнила слова проводницы: «Здесь не спасают. Здесь видят». Она замерла на месте.

— Ты хочешь меня спасти? — усмехнулась Жертвенная Любовь. — Это так привычно. Всегда спасать других, никогда — себя. Но знаешь, что будет, если ты меня обнимешь? Ты останешься здесь. Навсегда. Потому что, спасая меня, ты подпишешь себе пожизненный контракт — быть той, кто растворяется в других.

Юльта сделала шаг назад. Руки её опустились.

— Я не знаю, что делать, — прошептала она. — Ты — это я. Если я отвернусь от тебя, я отвернусь от себя. Но если я брошусь тебя спасать...

— Ты выберешь привычное, — закончила Жертвенная Любовь. — И умрёшь здесь, как умерла уже тысячу раз, когда предпочитала других себе. Смотри.

Она взмахнула рукой, и в воздухе закружились образы: моменты, когда Юльта, отдавая, теряла себя. Её лицо, улыбающееся сквозь слёзы. Её голос, говорящий «всё в порядке», когда внутри всё рушилось. Её руки, которые давали, давали, давали, пока сами не стали прозрачными.

— Это твоя жизнь, — сказала Жертвенная Любовь. — Ты выбрала меня, и я стала твоим дворцом. Но дворец — это тюрьма. И ты в ней единственная узница.

Юльта смотрела на череду лиц, событий, потерь. И вдруг, среди них, она увидела другую себя. Ту, что сидела на берегу, сжимая ключ, и смотрела вдаль, где светились другие острова. Ту, что вчера утром прошептала: «Я так больше не могу». И в тот миг что-то внутри неё — то, что было глубже жалости, глубже привычки спасать, глубже страха быть ненужной, — включилось.

— Я не хочу быть тобой, — наконец-то сказала девушка, и голос её прозвучал твёрже, чем когда-либо. — Я не хочу умирать в этом дворце.

Жертвенная Любовь вздохнула. В её глазах появилось нечто, похожее на облегчение.

— Наконец-то, — прошептала она. — Я ждала этого тысячу лет. Теперь... теперь ты можешь идти. Но оставь мне то, что действительно моё.

— Что?

— Желание помогать. Оно не плохое. Оно просто не должно быть всей тобой. Отдай мне ту часть, что готова жертвовать собой без остатка. И заberi ту, что умеет выбирать — когда и кому помогать, а главное — когда помогать себе, не растворяясь в других, а проживая свою жизнь и свои желания.

Юльта протянула руку. Жертвенная Любовь вложила в неё что-то маленькое, тёплое, похожее на сердце, но не живое, а хрустальное. Оно пульсировало слабым, ровным светом.

Анна сжала его и почувствовала, как в груди, там, где всегда горел её собственный свет, что-то перестроилось. Стало просторнее. И легче.

— Иди, — сказала Жертвенная Любовь, и её фигура начала таять, как утренний туман. — Тебя ждут другие острова. И помни: ты можешь возвращаться сюда. Но теперь — как гостя, а не как пленница.

Зал начал меркнуть, стены — расступаться, и Юльта почувствовала, как её выносит обратно, на берег. Там её ждала проводница.

— Ты сделала первый шаг, — сказала та. — Не победила, не уничтожила, а увидела и выбрала. Это и есть начало.

— Что теперь? — спросила Юльта, всё ещё сжимая в руке хрустальное сердце.

— А теперь ты вернёшься. И в мире, который ты считаешь реальным, начнутся перемены. Ты уже не сможешь быть прежней. А когда проснёшься — посмотри на свой ключ. Он изменился.

Она открыла глаза, полусидя на лавочке, потянулась и увидела, что солнце уже клонилось к закату, окрашивая все вокруг в янтарный цвет. Сжимая ключ в руке, поднесла его ближе к глазам.

Узор изменился. Там, где раньше был только один остров, теперь проступила цепочка: первый, пройденный, стал чуть светлее, а за ним, в тумане, угадывались новые, неведомые очертания. И маленькая трещинка на одном из его лучей — там, где она оставила Жертвенную Любовь, чтобы та стала не тюрьмой, а частью её целого.

Телефон завибрировал. Сообщение от Ольги: «Спасибо тебе огромное! Ты меня спасла! Завтра позвоню, хорошо? Обнимаю».

Юльта посмотрела на экран. Подумала. И вместо привычного «всегда пожалуйста» написала: «Рада, что тебе стало легче. Но в следующий раз, пожалуйста, сначала спроси, готова ли я слушать. Мне тоже иногда нужна поддержка».

Отправила. И замерла, чувствуя, как сердце забилось быстрее. Страшно было. Но где-то глубоко внутри, там, где только что поселилось хрустальное сердце Жертвенной Любви, затеплилась тихая, новая радость.

Она сделала шаг. Маленький. Но настоящий.

А впереди были другие острова.

Глава 2. Остров Никчемности.

Она проснулась с ощущением, что проспала что-то важное. Солнце уже давно залило комнату, но Юльта лежала, глядя в потолок, и не могла заставить себя пошевелиться. словно тысячи невидимых нитей привязывали её к постели. В груди — там, где ещё вчера поселилось лёгкое, хрустальное тепло от Острова Жертвенной Любви, — сегодня было пусто. Или почти пусто. Там, на дне, клубился серый, липкий туман. Она знала его. Он приходил всегда, когда предстояло что-то важное. Или когда она слишком долго не была «достаточно хорошей».

Телефон молчал. Это было странно. Обычно утром приходило несколько сообщений, напоминаний, вопросов от клиентов, подруг, случайных знакомых, которым вдруг понадобилась её помощь. Сегодня — тишина. Юльта взяла телефон, проверила уведомления. Ноль. Ни одного. Как будто мир выключил её на паузу.

«Может, у меня что-то с сетью?» — подумала она, открыла мессенджеры. Всё работало. Просто никто не писал.

Она отложила телефон и почувствовала, как в груди туман сгустился, превратившись в знакомый, острый ком. «Ты никому не нужна. Как только ты перестаёшь быть полезной — ты исчезаешь. Тебя даже не замечают» — голос был тихим и настойчивым. Это не был тот громогласный крик, что приходил от демонов вовне. Это была она сама, самая глубинная часть её, которая годами подпитывалась этим ядом.

Юльта села на кровати, заставила себя встать, пройти на кухню, включить чайник. Движения были механическими, словно она управляла куклой, у которой кончается завод. Вчерашняя смелость, с которой она написала Ольге: «спроси, готова ли я слушать», сегодня казалась глупой и наивной. «Конечно, не надо было так писать. Она же обидится. Она же подумает, что я эгоистка. А кто я без её благодарности?»

И что-то в солнечном сплетении затрепетало. Казалось, что жизнь без всех этих сообщений закончилась для Юльты. Ощущение, что тебя любили только за правильность, за помощь, за служение, за удобство... Какая-то странная эмоциональная потребность и зависимость быть нужной и ценной через что-то важное для других, иначе пустота, стыд и чувство никчемности... Получается, что её ценность равно чужое одобрение? ... Нет... Так нельзя...

Чайник закипел, но Юльта не налила чай. Она стояла, глядя на поднимающийся пар, и чувствовала, как внутри медленно, но верно проваливается в ту самую чёрную яму, которую знала с детства. Туда, где она была «не такой»: недостаточно умной, недостаточно красивой, недостаточно послушной, недостаточно тихой, недостаточно громкой, недостаточно удобной, имела свое желание, которое сильно отличалось от желаний окружающих, в общем, где она отличалась от всех. Была той самой странной и никому не нужной.

Она снова сознанием очутилась на берегу.

Но теперь песок был не серым, как на Острове Жертвенной Любви. Он был отсутствующим. Под ногами не было твёрдой почвы. Было что-то зыбкое, похожее на пепел или на высохшую глину, которая крошилась при малейшем движении. Волны здесь не пели и не шумели. Они шептали, и шёпот их был полон сомнений:

— Ты недостаточно... Ты не такая... Кто ты вообще такая, чтобы... Зачем ты здесь? Ты только занимаешь место...

Девушка зажала уши и автоматически зажмурилась, но шёпот проникал сквозь пальцы, сквозь кожу, сквозь мысли, в каждую клетку её измученного тела. Он был везде. Он парил в воздухе, повсюду.

Впереди, там, где на предыдущем острове высился дворец, теперь была пустота. Не темнота, а именно пустота. Белая, выцветшая, бездна, которая не притягивала и не отталкивала.

Она просто была, и в ней ничего не происходило. Никакой жизни. Никакого движения. Только тишина, от которой хотелось выть.

— Это не дворец, — прошептала Юльта. — Это ничто.

Проводница появилась не рядом, а словно проступила из самой пустоты. Её лицо было серьёзным, почти печальным.

— Это Остров Никчёмности, — сказала она. — Здесь нет зданий, потому что ты никогда не позволяла себе построить здесь что-то своё. Ты согласилась, что это место — пустое. Что ты здесь — никто. Что твоё существование не имеет ценности, если ты не доказываешь её каждую минуту.

— Я не... — начала Юльта, но осеклась. Вспомнила утреннюю тишину в телефоне. Вспомнила, как паника сжала горло от одной только мысли, что её не заметили. Вспомнила, как годами добивалась похвалы, признания, хотя бы взгляда, который бы сказал: «Ты есть. Ты важна».

— Это правда, — тихо сказала она. — Я боюсь исчезнуть.

— Поэтому ты так много делаешь для других, — кивнула проводница. — Ты думаешь, что их благодарность — это единственное доказательство того, что ты существуешь. Но благодарность — это их отношение к тебе. А твоя ценность — это то, что ты сама о себе знаешь. Или не знаешь.

Она махнула рукой, и в пустоте начали проявляться очертания. Сначала смутные, затем всё более чёткие. Это были люди. Не тени, не призраки — живые, дышащие люди. Юльта узнавала их: мать, которая в детстве говорила «не высовывайся, будь как все»; учительница, которая ставила четвёрки, потому что «пятёрка — это идеал, а ты не идеальна»; первый мужчина, который ушёл, сказав «ты слишком сложная»; коллега, который присвоил себе её идею, потому что «ты всё равно не умеешь себя продавать»; подруга, которая в разговоре перебивала: «да ладно, у тебя-то всё хорошо, а вот у меня»

Каждый из них смотрел на Юльту не осуждающе, не зло, просто в каждом взгляде читалось одно и то же: «Ты недостаточно., Ты не такая., Ты не вписалась., Ты не заслужила., Ты никто».

Ей ужасно захотелось закричать во весь голос: «Но это неправда!» — и не могла. Потому что голос внутри, тот самый, шепчущий, подхватывал: «А что, если правда? Что, если они все видят тебя настоящую? Что, если ты действительно пустая?»

Она стояла, сжавшись в комок, чувствуя, как зыбкий песок уходит из-под ног, как пустота внутри разрастается, грозя поглотить её целиком, пожирая её изнутри, даже разрывая на клочья...

— Что мне делать? — прошептала она, глядя на проводницу. — Я не могу это уничтожить. Они... они внутри меня. Я сама так думаю о себе.

— А ты и не должна уничтожать, — ответила проводница. — Ты должна посмотреть. Не на них. На себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.